

БЕССМЕРТНЫЙ ★ **РОМАНЫ**
БАТАЛЬОН ★ **О ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ**

ГЛАВА 1

Лейтенант Соколов не задавал вопросов ротному командиру. Да и о чем спрашивать, если он сам прекрасно видел, что происходит на фронте, знал, о чем говорилось в сводках, которые его стрелок-радиотелеграфист Омаев находил в эфире во время коротких передышек. А еще, некогда было спрашивать, потому что лето 1942 года было жарким во всех отношениях. Раскаленная броня, солнце плавилось над головой, изредка прячась в тучах пыли, поднятой гусеницами советских и германских танков, в дыму пожарищ.

Они шли плотной колонной по проселкам уже два часа. Сидя на укладке снарядов в башне, Соколов рассматривал карту. Рядом с его головой покачивались сапоги наводчика старшины Логунова. Василий Иванович сидел на краю люка и деликатно отодвигал ноги от шлемофона командира.

Танковая рота двигалась на помощь стрелковому батальону севернее села Елатомцево, где на безымянной высоте 87,6 красноармейцы из последних сил сдерживали атаки немцев. Сдавать высоту было нельзя, потому что с нее просматривались и простреливались все поля и лесочки в районе движения частей 40-й армии. Огневые точки высоты намертво перекрывали две автомобильные и одну железнодорожную магистрали. Учитывая изрезанный балками и овражками рельеф местности, дороги в этом районе были действительно важнейшими артериями.

— Воздух, командир! — крикнул Логунов и поспешно спустился в люк.

В башне сразу стало тесно так, что не повернуться. Соколов, как и другие младшие и средние командиры, с разрешения командования части сам подбирал себе танки во время последнего пополнения матчастью. Это командиры полков, дивизий и корпусов могли позволить себе не иметь наводчика орудия. Для них танк — бронированное средство передвижения, их командирский НП во время боя, если возникает такая необходимость. Они командуют действиями целых частей и соединений. Их танк может не участвовать в бою. Им важна мобильность и наличие связи с войсками.

А вот как быть командиру танкового взвода или роты? Да даже батальонному командиру, когда они сами участвуют в бою со своими подразделениями? Кто-то должен стрелять из пушки, а командир танкового подразделения должен командовать своими машинами. У него просто нет времени выискивать цели, наводить орудие.

Когда поступали машины, командиры с радостью брали себе для командирских целей танки с увеличенной башней. Всего каких-то несколько десятков сантиметров, но во время боя командир взвода может смотреть в танковый перископ, у него есть круговой обзор, а командир танка, он же командир башни и он же наводчик танкового орудия, непосредственно борется с вражескими танками, подавляет иные цели, на которые указывает взводный.

— Внимание всем, я — «третий», — послышалось в шлемофоне. — Воздушная тревога! Всем продолжать марш. Командирам танков вести наблюдение на флангах.

— Как там? — спросил механик-водитель, покашливая от густой пыли, попадавшей в его люк.

— Нормально, Семен Михайлович, — отозвался Соколов, высовываясь по пояс из люка и прикладывая к глазам бинокль. — Скорость держите. Интервал не увеличивать.

Это было опасно во время налета, но изменять режим движения на марше без приказа командира колонны нельзя. Да и самым ценным и важным в данной ситуации были время и скорость. Начни танки прятаться по балкам и лесам, как это предписано при поступлении команды «воздух», и окажутся потерянными драгоценные часы и минуты. А на высоте, обливаясь кровью, дерется батальон и ждет помощи. Ее сдача повлечет за собой самые тяжкие последствия.

Отступающие к Воронежу армии в последние дни надежно прикрывали с воздуха. Впереди стали бить зенитные орудия. Откуда-то справа слышались очереди спаренных пулеметов. Над головами пронеслись Яки с красными звездами на крыльях. Звено истребителей над лесом резко взмыло свечой, неожиданно оказавшись сбоку от немецких бомбардировщиков.

Несколько «мессеров» бросились в атаку на советские самолеты, но сразу же вынуждены были уйти вверх под защиту облаков. Яки атаковали со стороны солнца, которое слепило немецких пилотов. Завязался бой: натужно выли моторы на виражах, небо прочерчивали пунктиры трассеров.

«Не успели, дали связать себя боем, — с горечью подумал лейтенант, глядя в небо. — «Юн-

керсы» сейчас выйдут к высоте и перепашут все, что еще способно там обороняться. А потом достанется и нам».

Но ситуация в небе изменилась быстро. С севера, из-за облаков, вдруг вынырнула пара советских истребителей, потом еще одна, и еще. Увлеченные боем «мессеры» не сразу заметили опасность, а воздух уже наполнился стрекотом авиационных пулеметов. Вот задымил один бомбардировщик, стал терять высоту второй. Отлетело с яркой вспышкой крыло у третьей вражеской машины, и она полетела вниз, нелепо кувыркаясь в воздухе. «Мессеры» бросились на помощь бомбардировщикам, но тут же два из них задымили и пошли вниз, оставляя за собой жирные черные шлейфы.

— Раздолбали! — крикнул Соколов и со злостью ударил кулаком по броне. — Дали прикурить немчуре! Ребята, «юнкерсы» поворачивают!

Бомбардировщики рассыпались, ломая строй и пытаясь уйти от советских истребителей. Бомбы посыпались вниз на лес и в чистое поле. Пилоты пытались облегчить свои машины, чтобы спастись, оторваться от Яков на скорости.

Соколов снова приложил бинокль к глазам. Склоны высоты 87,6 затянуло черным дымом, сквозь дым то и дело прорывались огненные

всплески. Там гудело и грохотало так, что дрожь земли ощущалась даже здесь, в танке.

— Внимание всем, я — «третий», — раздался в шлемофоне резкий, чуть сиплый голос капитана Балакирева. — Приготовиться к атаке с марша. Разворачиваемся на рубеже ориентира «раздвоенная береза» по направлению движения колонны. «Пятый», как слышишь меня?

— «Третий», я — «пятый», — отозвался голос лейтенанта Задорожного. — Слышу вас хорошо.

— «Семерка»?

— Слышу хорошо, «третий», — сразу же ответил Соколов, чуть прижимая ларингофоны к горлу.

— Слушайте приказ, ребята. — Голос ротного стал глуше, тверже и как-то спокойнее. — «Пятый», разворачиваешься вправо на тридцать градусов и идешь на ориентир «сгоревший дом». Поднимаешься по южному склону высоты и атакуешь с ходу через позиции стрелкового батальона в лоб немцам. Прикрывайся дымом, держи дистанцию между машинами по фронту не менее тридцати метров. «Семерка», ты продолжаешь движение прямо до ориентира «южная острая опушка березового леса». От этого ориентира разворачиваешься общим направлением на основание высоты и атакуешь

немцев с ходу, не дожидаясь «пятого». Задача обоим — уничтожение живой силы и техники противника на северном склоне высоты 87,6 и участке между березовой рощей и оврагом Козым. Преследовать противника дальше запрещаю! Возвращение на исходную по моему приказу «сосна». Повторяю, выход из боя по приказу «сосна».

Оба взводных доложили, что приказ понят и принят к исполнению. До высоты оставалось не более пятисот метров. Пока что советские танки скрывал застилавший округу дым, древесный подрост и влажная почва, не позволявшая образовываться пыли.

Соколов, сидя в люке, в последний раз бросил взгляд на карту, сверившись с положением на местности. Ориентиры есть, хоть и дым вперемешку с пылью, но их видно, по высоте уже час бьет немецкая артиллерия.

«Выход из боя», «преследовать запрещаю». Алексей мысленно повторил слова капитана Балакирева и нахмурился. Высоту немцы почти беспрерывно атаковали вторые сутки, после того, как штурмовому батальону удалось захватить ее, выбив врага с наскоро подготовленных позиций. Атаки, артиллерия, бомбежки и снова атаки. Последняя артподготовка длится уже час,

как сказал ротный. Значит, вот-вот немцы снова пойдут на высоту.

«Нам бы успеть, — думал Соколов. — Если враг ворвется на позиции батальона, то все — одними танками без десанта на броне нам их оттуда уже не выбить. Да и танков-то у нас только по названию рота. Четыре машины у Задорожного, у меня три, да танк Балакирева. Восемь машин против двух или трех десятков немецких танков. Вся надежда только на неожиданность».

Тишина обрушилась так внезапно, что Алексей вскинул голову и вцепился в края люка. Именно «обрушилась», оглушила. После грохота разрывов, когда неожиданно кончается бомбежка или артобстрел, такое бывает. Сначала как будто глохнешь. И только спустя секунды начинаешь слышать другие звуки — слух возвращается постепенно.

Первое, что расслышал Алексей, был рокот чужих моторов. За год войны он научился почти безошибочно узнавать звуки вражеской техники.

Он приподнял шлемофон и повернул голову так, чтобы лучше слышать.

Ротный резко бросил в эфир только одно слово: «Немцы!», но командиры обоих танковых взводов уже все поняли. Одновременно

с атакой в лоб на высоту гитлеровцы, прикрываясь дымом и пылью, предприняли обходной маневр с запада, через кустарник на опушке березовой рощи. Обойти высоту можно было только с этой стороны, потому что с востока ее прикрывал глубокий разветвленный овраг, почти балка.

Была ли у командира батальона возможность заминировать, чем-то прикрыть танкоопасное направление? Вдруг — нет, а немцы все-таки нашупали, разведали этот маршрут? Тогда батальон обречен!

Впереди, в рассеивающемся дыму хлестко ударили пушки «тридцатьчетверок». Два выстрела, потом почти один за другим еще три. Взвод Задорожного вступил в бой, значит, так и есть, — немцы пытаются обойти высоту под прикрытием дыма. Теперь Соколову нужно выполнять свою задачу.

— Взвод, я — «семерка»! Слушай приказ! — объявил Алексей, прижимая пальцами ларингофоны к горлу. — К бою! Впереди танки противника. Заряжать бронебойными. Огонь по готовности, цели определять самостоятельно. Обхожу колонну слева. Идем «клином».

Все, больше говорить не о чем. Теперь только бой, только вперед! Ворваться с фланга в атаку-

ющие ряды противника и нестись, сметая все на своем пути. Огнем орудия, пулеметом, гусеницами крушить врага. Только вперед, сеять панику своей неожиданной атакой, пока немцы не опомнились. Их обходной маневр раскрыт, немецкий командир это знает, а тут еще удар во фланг. Он еще не понял, какими силами его атакуют русские, он еще не может принять решение на отвод подразделения, на смену направления атаки или на введение в бой новых сил. И его подчиненные на поле боя тоже ничего еще не поняли, кроме того, что их атаквали русские с неожиданной стороны. И это все продлится только несколько минут. И за эти несколько минут нужно успеть сделать многое!

Две пули ударили в открытую крышку люка на уровне груди Соколова. Лейтенант поспешно спустился в башню.

Танк подпрыгивал на неровностях, нырял стволом почти до самой земли. Алексей был переключен на командную частоту и не слышал переговоров по ТПУ¹. Танком командовал Логунов, как и положено командиру отделения, командиру танка. Соколову предстояло командо-

---

¹ ТПУ — танковое переговорное устройство — система проводной связи для экипажа внутри танка.

вать своим взводом, и вмешиваться в действия старшины он не собирался.

Поворачивая перископ, Алексей несколько раз сильно бился головой о скобу, когда Бабенко резко останавливал танк. Гулко стреляло орудие, с металлическим лязгом вылетала гильза, башня наполнялась дымом от сгоревшего пороха. Тут же вентилятор над головой вытягивал его, очищая воздух внутри машины.

Алексей уже год воевал со своим экипажем и привык доверять каждому из его членов. Без преувеличения, каждый из них уже не раз спасал жизнь своим товарищам в минуту смертельной опасности. И сейчас лейтенант следил за боем, за тем, как сражаются его танки, танки взвода Задорожного.

Логунов подбил уже два немецких танка, еще одна вражеская машина, застигнутая врасплох, разворачиваясь, съехала по осыпи в большую промоину. Танк сержанта Началова добил его болванкой точно в борт.

Два удара один за другим заставили «семерку» вздрогнуть. Логунов выругался, а у Алексея все похолодело внутри. Нет, обошлось! Выдержала броня. Вскользь прошли немецкие снаряды. Только руки, которыми лейтенант держался за скобу перископа, посекло мелким крошевом,

отлетевшим при ударах от внутренних стенок башни.

Дым рассеивался. Три советских танка маневрировали на поросшем кустарником, изрезанном промоинами поле перед высотой. Они то резко останавливались, то делали повороты, прикрываясь немецкими танками, то снова устремлялись вперед. Их пушки били и били, поражая цели одну за другой. Немецкие машины замедлили ход, закрутили стволами пушек, пытаясь поймать цель, отыскать откуда ни возьмись появившиеся советские танки.

А в эфире уже кричали и ругались по-немецки, кто-то пытался командовать. Но из полутора десятков танков, которые пошли в обход высоты, не осталось ни одного.

А потом Соколов услышал крик в эфире:

— Командира подбили! «Третий» горит!

— А ведь Серега оттуда ни хрена не видит! — сразу понял Соколов, вспоминая положение взвода лейтенанта Задорожного.

Танк старшины Шевырева вдруг развернулся вокруг своей оси и стал. «Гусеница», — догадался Соколов.

— Началов, прикрой его! — крикнул Алексей и сразу переключился на ТПУ. — Логунов

вперед! На склон. Маневрируй! Видишь, там, на склоне стоит Т-IV. Он всех нас пожжет.

— В борт его надо, он развернуться не сможет! — отозвался Логунов и крикнул механику: — Семен, давай по всем газам прямо, я башню разверну, прицел ему сбивать надо, пока вот к тому сарайчику не выскочим.

Соколов снова переключился на командирскую волну и стал вызывать Задорожного:

— «Пятый», ответь «семерке». Где ты, «пятый»?

— Не могу выйти. Тут все в дыму, Лешка!

— Черт, не надо. — Соколов едва не выругался. Он понял, что взвод Задорожного подбитыми немецкими танками запер сам себя у южных склонов высоты. Им теперь надо выползать оттуда... — Всем внимание, я — «седьмой»! Принимаю командование на себя! «Пятый», выполняй задачу, не ходи за мной. По склону вверх на позиции батальона! Поддержать огнем оборону пехоты!

«Только бы он успел, — думал Соколов, разворачивая перископ и осматриваясь по сторонам. — Только бы Серега успел подняться. Иначе нам тут крышка!»

Каким-то чудом Бабенко умудрился почувствовать момент выстрела немецкого танка и резко

остановил машину. Болванка ударилась в землю в метре перед танком. И тут же механик снова рванул с места. Логунов выстрелил с ходу, без остановки. Сейчас это было оправданно — все решала не меткость, а скорость. Выстрелы сбивали прицел немцу, поднимали пыль вокруг него, и он какое-то время не видел советскую машину.

Соколов развернул перископ назад. Экипаж Шевырева чинил гусеницу, пригибаясь при близких разрывах. Башня неподвижного танка поворачивалась то в одну, то в другую сторону. Орудие стреляло, и подбитая тридцатьчетверка покачивалась от каждого выстрела. В таких условиях заменить поврежденный трак было сложно, тем более натянуть гусеницу на катки, но иного выхода не было. Танк должен вести бой, должен стрелять, иначе его самого расстреляют, как в тире.

Танк сержанта Началова то двигался вперед, то пятился назад, прикрывая корпусом товарищей. Дважды на глазах Соколова в него попадали снаряды, но танк продолжал сражаться. Отходящие к лесу немцы поняли, что русских мало, и снова стали выдвигаться вперед. Два немецких танка были сразу же подбиты, это охладило пыл остальных.